

BECHA

**Читайте в серии
«Литературные хиты:
Коллекция»:**

- Зэди Смит. Время свинга
Зэди Смит. О красоте
Зэди Смит. Белые зубы
Джордж Сондерс. Линкольн в бардо
Джордж Сондерс. Десятое декабря
Лалин Полл. Пчелы
Лалин Полл. Лед
Али Смит. Осень
Али Смит. Зима
Луиза Эрдрич. Лароуз
Луиза Эрдрич. Круглый дом
Ольга Токарчук. Бегуны
Ольга Токарчук. Диковинные истории
Давид Гроссман. См. статью “Любовь”
Давид Гроссман. Как-то лошадь входит в
бар
Эмили Фридлунд. История волков
Эрик Вьюар. Повестка дня
Пол Остер. 4321
Дэйзи Джонсон. В самой глубине
Ахмед Саадави. Франкенштейн в Багдаде
Софи Макинтош. Исцеление водой
Рэйчел Кушнер. Комната на Марсе
Майкл Ондатже. Военный свет

Али Смит

**ВЕ
С
НА**

**Москва
2020**

УДК821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С50

Ali Smith
SPRING

Copyright © 2019 Ali Smith
All rights reserved

Перевод с английского *В. Нугатова*

Разработка дизайна серии *О. Медведковой*

Смит, Али.
С50 Весна / Али Смит ; [перевод с английского
В. Нугатова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-106585-0

Третья часть Сезонного цикла.

Что объединяет Кэтрин Мэнсфилд, Чарли Чаплина, Шекспира, Бетховена, Рильке, прошлое, север, юг, запад, восток, мужчину, жалеющего о прошлом, и женщину, запертую в настоящем?

Весна, великий соединитель.

Во времена стен и границ Смит открывает двери. Во времена, заикленные на прошлом, Смит рассказывает историю настоящего. Во времена обесценивания искусства Смит создает роман-метакомментарий об искусстве.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-106585-0

© Нугатов В., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

*На память
о моем брате
Гордоне Смите*

*и посвящается
моему брату
Эндрю Смиту*

*на память
о моей подруге
Саре Дэниэл*

*и посвящается
ах, какой цветущей!
Саре Вуд*

По виду он как будто чужеземец.
Его эмблема — высохшая ветка
С зеленою верхушкой, а девиз —
In hac spe vivo.

Уильям Шекспир¹

Может быть, мертвые нас разбудили бы
 знаменем неким?
Явили бы нам хоть сережки на голой лещине
Или дождик весенний,
Падающий на темное царство земное.

Райнер Мария Рильке²

Мы должны начать — вот в чем суть.
После Трампа — мы должны начать.

Ален Бадью

Уже ищущу приметы Весны.
Кэтрин Мэнсфилд

Год потянулся, как дитя,
И на свету протер глазенки.
Джордж Маккей Браун³

¹ В этой надежде я живу (*лат.*). «Перикл, царь Тирский», акт I, сцена 2. Пер. Т. Гнедич. — *Здесь и далее прим. перев.*

² «Дуинские элегии», Элегия десятая. Пер. В. Микушевича.

³ Джордж Маккей Браун (1921–1996) — крупнейший шотландский поэт XX в.

1

Фактов мы уже не хотим. Неразберихи мы хотим. Повторения мы хотим. Повторения мы хотим. Чтобы люди во власти говорили правда это не правда мы хотим. Чтобы избранные члены парламента говорили у нее во лбу торчал и изгибался нагревающийся нож мы хотим что-то типа приноси свою удавку мы хотим чтобы члены парламента от правящей партии кричали в палате общин убейте себя членам парламента от оппозиции мы хотим чтобы влиятельные персоны говорили что они хотят чтобы других влиятельных персон разрубили на куски рассовали по пакетам и спрятали в морозилку мы хотим шуток над мусульманками в газетных колонках мы хотим смеха мы хотим чтобы этот смех звенел им вслед куда бы они ни шли. Чтобы люди которых мы называем иностранцами ощущали себя иностранцами мы хотим нам нужно четко показать что у них не может быть никаких прав пока мы не разрешим. Отвлекающих грубых оскорблений мы хотим. Сказать что мышление элитарно знание элитарно нам нужно чтобы люди чувствовали себя об-

деленными и ущемленными нам нужно чтобы люди чувствовали нам нужно. Паника нам нужна подсознательной паники мы хотим и сознательной паники мы тоже хотим. Нам нужны эмоции нам нужен праведный гнев нам нужна злоба. Нам нужен весь этот патриотизм. Все того же старого Скандала с матерями-алкоголичками Опасностей ежедневного приема аспирина мы хотим но чтобы еще экстреннее Nein Nein Nein нам нужен хештег #линейно мы хотим Дайте нам то чего мы хотим а не то мы пойдем мы хотим ярости мы хотим произвола мы хотим самых эмоциональных слов антисемит — хорошо нацист — здорово педофил ей-богу самое то извращенцы иностранцы нелегалы мы хотим инстинктивной реакции мы хотим Подтверждения возраста для «детей-мигрантов» 98% требуют запретить приток новых мигрантов боевых вертолетов для остановки потока мигрантов сколько еще мы можем принять закройте двери спрячьте своих жен мы хотим нулевой толерантности. Нам нужны новости телефонного размера. Нам нужно обходить официальные СМИ. Нам нужно смотреть мимо интервьюера говорящего прямо в камеру. Нам нужно доносить совершенно ясную мощную безошибочную идею. Нам нужна шоковая лента новостей. Нам нужно больше шоковой ленты новостей быстрых обновлений следующей шоковой ленты новостей хватит сачковать мы хотим фотографии пыток. Нам нужно до них добраться нам нужно чтобы они думали что мы можем до них добраться при-

менять слово *линчевание* ко всем кроме белых. Мы хотим круглосуточных угроз изнасилования и угроз расправы чернокожим/женщинам — членам парламента нет только женщинам занимающимся любой публичной деятельностью всем кто занимается любой публичной деятельностью нам это не нравится нам нужно Что она себе позволяет/Что он себе позволяет/Что они себе позволяют. Нам нужно подсказать внутреннего врага. Нам нужны враги народа мы хотим чтобы их судей называли врагами народа мы хотим чтобы их журналистов называли врагами народа мы хотим чтобы людей которых мы решим называть врагами народа называли врагами народа мы хотим говорить вслух снова и снова во всех возможных теле- и радиопередачах о том как нам затыкают рты. Нам нужно повторять все старье как будто это что-то новое. Нам нужно чтобы новости были такими как мы скажем. Нам нужно чтобы слова означали то что мы скажем. Нам нужно отрицать то что мы говорим пока мы говорим. Нам нужно чтобы было не важно что означают слова. Нам нужен добрый старый девиз Британия а не Англия/Америка/Италия/Франция/Германия/Венгрия/Польша/Бразилия/[впишите название страны] превыше всего. Нам нужны социальные сети с интернет-алгоритмами зарабатывания темных денег. Нам нужно говорить что мы это делаем ради свободы слова. Нам нужны боты нам нужны стереотипы нам нужно дарить надежду. Нам нужно говорить это новая эра старая эра кончилась

их время прошло настало наше время. Нам нужно широко улыбаться пока мы это говорим нам нужно смеяться на камеру ха-ха-ха бабах мужчина умирает со смеху слышишь фабричный гудок в конце рабочего дня та фабрика закрылась новый фабричный гудок — это мы это мы были все время нужны этой стране это мы вам нужны это нас вы хотите.

Нужды мы хотим.

Хотелка нам нужна.

Что, снова *то* время? (Пожимает плечами.)

Меня это ничуть не касается. Все это лишь прах да вода. Вы всего лишь костяной порошок да вода. Хорошо. В конце концов мне же больше пользы.

Я ребенок, погребенный в листве. Листва прогнивает: вот и я.

Или представьте крокус в снегу. Видите оттаившее кольцо вокруг крокуса? Это дверь, распахнутая в почву. Я зелень луковицы и миг расщепления семени, распускание лепестка, проклевывание кончиков ветвей на деревьях — их зелень как будто пылает.

Растения пробиваются сквозь мусор и пластик, рано или поздно они появляются, несмотря ни на что. Растения двигаются под вами несмотря ни на что, люди на потогонках, люди на гонках, люди сидят за столами, освещенные экранами, или же листают телефоны в приемных врача, протестующие кричат, где бы то ни было, в каких бы то ни было странах и городах, движется свет,

цветы кивают рядом с грудями трупов и рядом с местами, где вы живете, и с местами, где вы пьете до отупения, до радости или печали, и с местами, где вы молитесь вашим богам, и огромными супермаркетами, люди на автострадах мчатся вдоль зарослей и обочин, как ни в чем не бывало. Бывало всё. Распускаются бутоны над незаконной свалкой. Свет движется поверх ваших барьеров, вокруг людей с паспортами, людей с деньгами, людей без ничего, мимо сараев, каналов, соборов, ваших аэропортов, ваших кладбищ, что бы вы ни хоронили, что бы вы ни выкапывали, чтобы назвать это своею историей, или детально ни изучали, чтобы перевести это в деньги, свет движется несмотря ни на что.

Истина — это такое «несмотря ни на что».

Зима для меня — пустой звук.

Вы думаете, я не знаю о власти? Думаете, я родилась зеленой?

Да, родилась.

Испортите климат — и я изгажу вам жизнь. Ваша жизнь для меня — пустой звук. В декабре выдерну из земли нарциссы. В апреле занесу снегом вашу входную дверь и повалю вон то дерево, чтобы оно проломило вам крышу. Точно ковром, устелю рекою ваш дом.

Но только из-за меня вновь оживает ваш сок. Я пушу вам по венам свет.

Что сейчас под поверхностью вашей дороги?

Что под фундаментом вашего дома?

От чего коробятся ваши двери?

Что расцвечивает весь мир свежими красками? В чем разгадка птичьего пенья? Отчего формируется клювик внутри яйца?

Что направляет тончайший зеленый побег сквозь скалу, так что скала расщепляется?

Сейчас 11.09, утро вторника в октябре 2018 года, и Ричард Лиз — теле- и кинорежиссер, человек, которого большинство помнит по нескольким, ну ладно, парочке благосклонно принятых критикой выпусков «Пьесы дня»¹ в 1970-х, а также по множеству всего прочего за эти годы, я хочу сказать, вы наверняка видели что-то из его работ, если живете уже достаточно долго, — стоит на перроне где-то на севере Шотландии.

Почему он здесь?

Неправильный вопрос. Он подразумевает наличие истории. Но никакой истории нет. С историями он покончил. Он самоустраняется из истории, точнее, из истории о Кэтрин Мэнсфилд, Райнере Мария Рильке, бомжихе, увиденной вчера утром на тротуаре у Британской библиотеки, и, вдобавок ко всему этому, о смерти своей подруги.

Выкиньте в мусорку все написанное выше о том, что он режиссер, о котором вы слышали либо не слышали.

¹ «Пьеса дня» — серия программ, выпускавшихся Би-би-си в 1970–1984 гг. Включала как оригинальные телеспектакли, так и адаптированные театральные пьесы и романы.

Он просто человек на вокзале.

На вокзале пока затишье. Задержки означают, что никакие поезда не прибывали на вокзал и не отправлялись с него, пока человек стоял на перроне, и, значит, вокзал вроде как отвечает потребностям человека.

На перроне больше никого нет. На перроне напротив никого нет тоже.

Наверное, где-то здесь люди — они работают в офисе или присматривают за этим местом. Наверняка людям все еще платят за то, чтобы они лично присматривали за подобными местами. Наверное, кто-то смотрит где-то в экран. Но человек не видел реальных людей. Выйдя из гостевого дома и пройдясь по главной улице, он увидел лишь, как кто-то возился в открытом окошке одного из этих привокзальных грузовиков с кофе, одного из этих фургонов «ситроен», никого при этом не обслуживая.

Не то чтобы человек кого-то искал. Он не ищет, и никто — никто важный — не ищет его.

Где же, блядь, этот Ричард?

Его мобильный — в Лондоне, в недопитом высоком кофейном стакане, закрытом крышкой и лежащем в мусорном контейнере «Прет-а-манже» на Юстон-роуд.

Вернее, был там. Человек без понятия, где его телефон может находиться сейчас. В мусоросборнике. На свалке.

Хорошо.

Алло, Ричард, это я, Мартин Терп должен быть с минуты на минуту, можешь примерно сказать,

Али Смит

когда приедешь? Алло, это снова я, Ричард, просто хотел тебе сообщить, что Мартин только что прибыл в офис. Есть возможность перезвонить мне и сообщить, когда тебя ждать? Ричард, это я, можешь мне перезвонить? Алло, Ричард, снова я, просто пытаюсь перенести сегодняшнюю встречу, учитывая, что Мартин в Лондоне только до вечера, он не приедет в город до следующей недели, так что перезвони мне и сообщи насчет после обеда, хорошо? Спасибо, Ричард, буду очень благодарен. Алло, Ричард, пока тебя не было, перенес нас на четыре часа, пожалуйста, подтверди, когда получишь это сообщение, что получил это сообщение?

Нет.

Он стоит на ветру, сложив руки и прижимая полы куртки, чтобы не распахивались (холодно, пуговиц нет, пуговицы потерялись), и смотрит на белые пятнышки на асфальтированном перроне у себя под ногами.

Он глубоко вздыхает.

На пике вдоха легким больно.

Он смотрит в сторону гор за городом. Это что-то реальное. Они реально суровые и настоящие — все, что может значить гора.

Он вспоминает собственную квартиру в Лондоне. Наверное, пылинки висают в солнечном свете, что пробивается сквозь щели жалюзи, если в Лондоне сейчас солнечно.

Посмотрите, как он превращает свою отлучку в историю.

Превращает в историю собственную пыль.

Все, хватит. Это человек, прислонившийся к колонне на вокзале. И все.

Это викторианская колонна. Чугунные украшения на ней выкрашены белым и черным.

Затем он отступает под краешек просвечивающей крыши над перроном, подходит чуть ближе к зданиям, чтобы укрыться от ветра.

Над вершинами нескольких из вон тех гор что-то наподобие дождевой тучи, как будто вершины — под покрывалом. Туча с другой стороны — он бы сказал, южной — похожа на стену, причем освещенную сзади. Туча над горами на севере и северо-востоке похожа на мглу.

Вот почему он сошел здесь с поезда: поезд подъехал к вокзалу, и в этих горах было что-то чистое, будто их начисто вымели. Они словно признавали факт собственного присутствия и ничего не требовали. Просто были.

Сентименталист.

Мифотворец.

Автоматический голос над головой снова извиняется за то, что в данный момент ни один поезд не прибывает на вокзал и не отправляется с него.

Почти ничего не происходит, не считая автоматических объявлений, несколько птиц перечеркивают небосклон, шорох ранней осенней листвы, бурьяна и травы на ветру.

Человек, стоящий на вокзале, смотрит вокруг себя на горы вдалеке.

Сегодня они похожи на линию, проведенную огромной рукой, а затем растушеванную вниз,